

18+

Соня Лаврова

Убийство у камина

Детектив

Соня Лаврова
Убийство у камина. Детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51386987

ISBN 9785449834720

Аннотация

Раскрытие преступления через много лет. Через множество сомнений и подозрений пришлось пройти героям, прежде чем они нашли истину.

Содержание

Глава2	26
Глава четыре	57
Глава пять	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Убийство у камина

Детектив

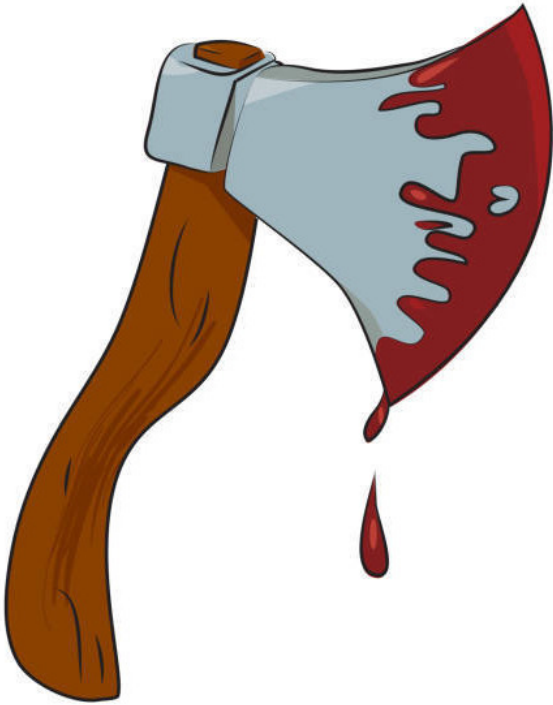
Соня Лаврова

© Соня Лаврова, 2020

ISBN 978-5-4498-3472-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Городок Визбори был взбудоражен- в своем доме была убита хозяйка дома —Паула Сайс. Тело лежало в гостиной около камина вокруг было много крови-Паулу убили ударом топора по голове-рядом лежал топор. Было пять утра. Инспектор Куни был уже не молод и видел много рассветов в своей жизни, но всегда не уставал созерцать их, особенно в летнее утро. Ему нравилось спокойствие, вид на этот маленький городок с улицами, все еще пустыми, с сильным синим светом того же тона и той же интенсивностью, что и сумерки, но лишённые его меланхолии

Полицейский участок находился на первом этаже современного здания. В это утро из-за драки в кафе «Паори» были задержаны двое мужчин-они быстро признали свою вину и теперь были заперты в камере, которая была покрашена в ослепительно белый цвет. Кунь стоял у окна кабины-

та, наблюдая, как небо обретает своеобразный зеленый оттенок аквамарина. Большая стая птиц скрылась за облаками. Куни вспомнил свое детство, когда, в первые часы дня, все, казалось, большим, четким и настоящим. Он устал, и что-то кружилась голова, инспектор открыл окно, чтобы проветрить помещение, где царил атмосфера табачного дыма и запаха пота от арестованных молодых людей, которые несмотря на разгар лета, носили кожаные куртки.

Из коридора он услышал голос Аскольда, который желал доброго утра полковнику Томасу. Начальнику полиции, Куни вспомнил, как Томас проводил планерку- и говорил о том, что нужно положить конец волне преступности. Он был их начальник- ему так положено говорить, ему это положено по чину.— так думал Куни.

Аскольд уезжал-Куни услышал, как тяжелая парадная дверь закрывается за ним и послышался шум мотора его автомобиля. Куни тоже собрался уходить —он, пересек передний двор и прошел между двумя большими каменными горшками, с розовой геранью, которые украшали выход на улицу Улози. Куни сел в машину и тоже поехал. Инспектор Куни наблюдал с одобрением и обидой, за машиной Аскольда- поскольку старший инспектор быстро набирал скорость и быстро исчез в конце пустынной уездной дороги, которая вела к улице Соулае.

Услышав Аскольда, Куни обернулся. Суровое, тусклое лицо главного инспектора казалось серее, чем обычно, но он не проявлял никаких признаков усталости, а в его глазах, темных и твердых, как базальт, сияло торжество. Он был ту- пым человеком, с выдающимися чертами и сильным и устра- шающим голосом. Его серый двубортный костюм, как и все другие его костюмы, выглядел более изношенным и смятым, чем когда-либо и казался, продолжением его грубой и из- можденной кожи.

Хорошая работа! – воскликнул он. Как сказала бы ведьма после удаления глаз ребенка.

Куни терпел такие пошлости со стоицизмом. Он знал, что он говорит это им, чтобы все вокруг ужаснулись, и, по правде говоря, он всегда добивался своей цели, поэтому Куни сжал тонкие губы в вынужденной улыбке. В этот момент Аскольд протянул ему синий конверт, и таким образом дал ему воз- можность скрыть свое замешательство.

«Томас просто передал мне это», сказал Аскольд. В пять утра. Как и тогда 15 лет назад, как и тогда!

Куни взглянул на конверт с штемпелем Зелдана.

– Это тот человек, о котором Вы говорили мне, сэр?

– Ну, я обычно не получаю письма от поклонников Да,

это от священника Арчири. Он сел на один из хрупких стульев, которые заскрипели под его тяжелым телом. Аскольд имел то, что его подчиненный называл отношениями любви и ненависти с этими стульями и остальной современной мебелью в своем кабинете. Блестящий паркет, синтетический ковер, стулья с яркими хромированными ножками, светло-желтые ставни были, по мнению Аскольда, непрактичными, трудно чистящимися и довольно быстро загрязняющимися. Но в то же время они порождали плохо скрываемую гордость. Фактически, вся эта мебель имела свою функцию: она служила для того, чтобы произвести впечатление на неизвестных посетителей. Аскольд вынул письмо из конверта.

– Лучше, если я свяжусь с начальником центральной полиции Зелдана. Знаете ли вы, что мы учились вместе в Оксфорде? Его лицо изобразило комически-уродливую улыбку, и он зарычал: «В тени этих священных башен!» Затем он добавил: «Как я ненавижу все это!»

– Это правда?

– Что?

– Чем вы учились вместе в Оксфорде?

– Наверно! Или в другом подобном месте. Возможно,

на спортивных кортах Итона. Единственное, что он сказал мне, было: «Теперь, когда у нас преступники под замком, я хотел бы, чтобы вы взглянули на письмо от моего хорошего друга, преподобного Арчири. Он исключительный человек, один из лучших людей, которых я знаю. У меня такое чувство, что этот вопрос имеет отношение к этому негодяю Даниэлу Сайсом.

– Кто такой Даниэл Сайсом?

«Преступник, который был казнен пятнадцать или шестнадцать лет назад», лаконично ответил Аскольд. Посмотрим, что нам скажет пастор.

Письмо было написано на толстой бумаге.

—

Куни смотрел на письмо через плечо своего начальника; Он носил фирменную одежду. Письмо пробудили в нем определенную враждебность. Аскольд начал читать вслух:

– «Дорогой сэр, я, прошу прощения за кражу части вашего драгоценного времени (у меня нет другого выбора), но я считаю, что этот вопрос является весьма важным.. Полковник Томас, главный констебль бла, бла, бла, любезно сообщил мне, что Вы лучший человек, и разрешил написать

Вам письмо. Аскольд прочистил горло и ослабил узел своего сморщенного галстука. (Клянусь Богом, когда он достигнет точки? Ах, вот она.) Он вспомнит случай с Даниэлом Сайсом. (Я помню это.) Я понимаю, что вы отвечали за расследование. Поэтому я считал своим долгом обратиться к вам, прежде чем приступить к определенным расследованиям, которые, помогли бы мне справиться с этой проблемой, поэтому, посоветовавшись с ним, я не по своей воле, я обязан сделать это».

– Принудительно?

– Так написано. Он не говорит, почему. Остальное – последовали комплименты, и спрашивает, можете ли он прийти ко мне завтра; нет, сегодня. Он позвонит мне сегодня утром, но «он не сомневается в моей доброте, и он уверен, что я соглашусь принять его». Он выглянул в окно, где солнце выглядывало через крыши домов и освещало улицу и, добавил: «Полагаю, в этот момент мистер Арчири спит после сытного ужина.

– Почему Вы так считаете?

– О, ради бога, Куни!. Вероятно, он пишет книги о реальных преступлениях между утренним приемом и собранием христианских матерей днем. Он должен быть в отчаянии, если он думает, что воскресший Даниэл Сайсом сделает кого

то счастливым

«Кажется, я помню этот случай, – задумчиво сказал Куни. Я только что окончил школу...

– И это заставило Вас выбрать эту профессию, не так ли? Аскольд насмехался. «Что ты хочешь быть, когда вырастешь, сын?» «Я хочу быть детективом, папа».

Будучи правой рукой Аскольда в течение пяти лет, Куни стал невосприимчивым к его издевательствам. Он знал, что босс так показывает сомнительное чувство юмора. Но жители этого города, которых Аскольд в целом называл «нашими клиентами», если они не подозревались в преступлении, были под надежной защитой. В то время обязательство Куни состояло в том, чтобы противостоять гневу и сарказму своего босса. Настала его очередь действовать как губка, чтобы впитать презрение, направленное, справедливо, против Томаса и его друга.

Инспектор Куни осторожно взглянул на Аскольда. После бессонной ночи и допроса, это письмо стало последней каплей. Его босс напрягся от раздражения, морщины, которые пересекали его лицо, казались более заметными, чем когда-либо, и его тело, сжатое растущим гневом, как будто собиралось лопнуть; ему придется отпустить пар, что бы снять все это напряжение.

«Это для Арчери видимо очень важно, – проницательно сказал Куни, беря на себя роль терапевта, – это не было обычным преступлением, Я читал про него в газетах, потому что это было важно для местных, но я не помню ни одной другой детали, о которой стоит упомянуть.

Аскольд положил письмо обратно в конверт и положил его в ящик. Его движения были точными и очень контролируемые. «Письмо не к месту, – подумал Куни, – я бы разорвал его на куски и бросил на пол». Слова Аскольда, казалось, ударили как молотом по голове, холодным, суровым голосом он сказал:

– Это был очень важный случай для меня

– Потому что Вы были детективом, который взял на себя расследование?

Потому что это было первое убийство, которое я взял в одиночку. Это было важно для Даниэла Сайсом, потому что они повесили его за это, и, конечно же, это было важно и для его вдовы. Полагаю, это немного расстроило ее, если есть что-то способное расстроить эту женщину.

Куни нервно наблюдал за ним, изучая сигарету, которую один из опрошенных мужчин курил в желтом кожаном кресле. Он приготовился к взрыву своего босса, однако тот ска-

зал с равнодушием:

– Тебе не нужно идти домой?

«Слишком поздно, – сказал Куни, подавляя зевок. Кроме того, моя жена уехала отдыхать на море.»

Он был человеком, крепко привязанным к своему дому, и его дом выглядело как морг, когда Джин и детей не было дома. Этот аспект его характера, старомодный и несколько пренебрежительный подход, вместе с его относительной молодостью, предоставляли Аскольду бесконечные возможности дразнить и насмехаться на его счет. Но главный инспектор только сказал: – Я забыл.

Куни хорошо выполнял свою работу, и этот большой, уродливый человек уважал его за это. Несмотря на то, что он издевался над ним, Аскольд оценил преимущество наличия подчиненного, чьи серьезные и изящные черты очаровывали женщин. Женщинам Куни нравился. Аскольд считал это слабостью женщин. Однако личность Куни не выделялась и не затмевала начальника. Теперь, чтобы передать эту острую жизненную силу, Куни пришлось идти на риск получить выговор из за того, что босс был глуп.

– Если вам нужно будет обсудить этот вопрос с этим Ар-

чири, не лучше ли нам посмотреть дело и вспомнить факты?
– ты и я?

– Ну, тогда Вы, сэр. По истечении столь длительного времени вы наверно забыли многое.

Слова сопровождались громким смехом:

– О!! Вы думаете, я не могу догадаться, что вы делаете? Когда мне нужен будет психотерапевт, я буду искать профессионала. Он сделал паузу, и его смех превратился в вынужденную улыбку. Ладно, может быть, ты pomoжешь мне ... «Но Куни ошибся, слишком рано расслабившись, Аскольд не остыл. Чтобы прояснить факты для этого проклятого Арчире, я имею в виду, – резко сказал Аскольд. Но не ожидайте найти какую-либо тайну или любой подлый ложный след. Это был Даниэл Сайсом, нет сомнений. Он указал на окно, указывая на восток. Бесконечное небо окрашивалось разбавленными оттенками розового и золотого, как акварель. Так же, как солнце поднимается в этот момент, – сказал он. Не было никаких сомнений. Даниэл Сайсом убил свою хозяйку, девяностолетнюю женщину, ударом топора по голове, за двести фунтов. Он был умственно отсталым, жестким и жестоким. На днях я читал в газете, что таких людей называют «Бомжами», и это лучшее слово, которым только можно назвать его. Я удивляюсь, что пастор интересуется делом такого рода.

– Если это его намерение.

– Посмотрим, сказал Аскольд.

Двое мужчин стояли, стоя перед картой, прикрепленной к желтой стене.

– Он убил ее в собственном доме, верно? – спросил помощник. В одном из этих особняков по дороге в Стове?

Карта показала полную тишину сельской местности., город с населением около двенадцати тысяч человек, был в центре, а улицы были коричневыми и белыми, а окружающие пастбища выглядели зелеными, усеянными более темными зелеными пятнами, которыми отмечали леса. Как и в центре паутины, несколько дорог тянулись в разные стороны от небольшого города, некоторые в сторону, в южном направлении, а другие – в сторону, к северо-востоку. Деревни, разбросанные здесь и там, выглядели как крошечные мухи, запутавшиеся в паутине.

– Дом называется «Чайная чаша», сказал Аскольд. Это смешное название.

– И это примерно здесь. Куни положил палец на вертикальную нить паутины, которая шла, направляясь на север. Он задумался и вдруг что-то вспомнил. Кажется, я знаю этот

дом – сказал он. До прошлого года это был дом престарелых. Я думаю, они собираются сломать его.

– Очень вероятно. Земля дома имеет около двух акров. Теперь, когда у нас есть представление о ситуации, мы можем сесть.

Куни поставил стул к окну. Созерцая рождение того, что должно было стать великолепным днем, он чувствовал себя успокоенным и помолодевшим. Тени деревьев удлинились над лугами, и свет, приобрел новую интенсивность и можно было наблюдать, синие вспышки от шиферных крыш старых особняков. Жаль, что он не смог сопровождать Брун. Солнечный свет и опьяняющий свежий воздух заставляли его думать о праздниках, и его разум, похоже, неохотно извлекал из памяти события того случая, который несколько лет назад произошел в Визбори. Молодой инспектор попытался вспомнить и с некоторым смущением обнаружил, что даже не помнит имя убитой женщины.

– Как ее зовут? – спросил он Аскольда. Это было иностранное имя, не так ли? Что-то похожее на Порто или Примо.

– Во-первых. Паула Сайс. Это было ее имя от рождения. И она не была иностранкой, она выросла в Визбори. Она была членом семьи землевладельцев Визбори Куни хорошо

знал Визбори. Это был сельскохозяйственный регион и деревню всегда посещали немногочисленные туристы, так как здесь не было ни побережья, ни холмов, ни замков, ни соборов. Туристические гиды упоминали об этой деревне (довольно спорный) как пятый самый красивый город в Европе. Все магазины в регионе продавали открытки своей церкви. Кун, имел свою определенную оценку деревни, потому что там до сих пор была криминальная обстановка. «Возможно, Арчири связан с Паулой Сайс», – предположил он. Вам может понадобиться информация из ваших личных записей.

«Сомневаюсь, – сказал Аскольд, поворачиваясь к солнцу, как огромный серый кот. Единственными родственниками миссис Паулы были ее трое внуков. Фортон, самый старший, теперь живет в Визбори, но он не наследовал собственность, ему пришлось его купить. Я не очень хорошо знаю, как это было.

Миссис Паула родилась с фамилией Минастон и ей исполнилось сорок лет, когда она вышла замуж за доктора Палана Сайса. Я полагаю, что его семья не одобряла проживание в деревне; помните, что мы говорим о начале века.

– Он практиковал общую медицину?

– Нет, я думаю, у него была специальность, но я не знаю, какая. Когда он ушел в отставку, они переехали в дом «Чайная чашка». Собственно, они не были богатыми людьми. Когда он умер, в 1930-е годы г-жа Паула унаследовала около десяти тысяч фунтов. У них был сын, но он умер вскоре по-

сле смерти своего отца.

– Вы имеете в виду, что в престарелом возрасте она жила одна в этом большом доме?

Аскольд задумчиво поджал губы. Куни хорошо знал исключительную память своего босса. Когда что-то действительно заинтересовало его, он смог вспомнить мельчайшие детали.

– У нее была служанка, – сказал Аскольд. Ее звали и зовут потому что она все еще живет) Милана Шлаун. В то время ей было около семидесяти лет, она был значительно моложе своей хозяйки, и она было около пятидесяти лет на службе у миссис Паулы. Настоящая служанка старой школы. В таком длительном сожительстве было бы нормально,

если бы они стали друзьями, а не продолжали оставаться леди дома и служанкой, но Милана знала, свое место, и они были «Леди» и «Милана» до самого дня, когда умерла старуха. Я знал Милану-видел ее. Когда она приезжала в город, чтобы совершить покупку, она был персонажем номер один, особенно когда Даниэл Сайсом начал сопровождать ее и возить ее по магазинам на автомобиле миссис Паулы..Сайс Вы помните, как одевались девицы прошлого? Нет, полагаю, нет. Вы слишком молоды. Милана всегда носила длинное темно-синее пальто и то, что обычно называют «приличной» плюшевой шляпой. И она, и Даниэл Сайсом были слугами, но Милана считала себя намного выше его. Она пользовалась своим положением и отдавала приказы так же, как и миссис Паула.. Его жена и подруги назвали его Деном, но Милана назвала его «зверем». Конечно, только за глаза, когда он не слышал-.называла его так. При нем она бы не посмела.

– Ты хочешь сказать, что Милана его боялась?

– До некоторой степени, да. Она ненавидела его, и его присутствие беспокоило ее. Я не знаю, есть ли у меня его фотография. —Аскольд открыл последний ящик своего стола, где хранил личные и полуофициальные вещи, фотографии, статьи, которые привлекли его внимание. У меня не было большой надежды, что он найдет фотографию. Когда г-жа Паула была убита, полицейский участок Визбори находился в старом желтом кирпичном здании в центре города. Про-

шло пять или шесть лет с тех пор, как здание было разрушено, и полицейский участок перебрался на окраину, в этот потрясающе современное здание, в котором они находились. По всей вероятности, фотография была потеряна, при переезде. Аскольд листал заметки, письма, небольшие воспоминания и, наконец, Вот его фотография. Хорошо, если вам нравятся мужчины такого типа. Даниэл Сайсом, из XIV армии Бирмы. Двадцать пять лет, нанятый миссис Паулой как водитель, садовник и мальчик на побегушках.

Это была вырезка из газеты, и фотография была окружена несколькими колонками статей. Изображение было очень ясно, и глаза Даниэла Сайсом смотрели прямо на камеру.

– Это смешно, он всегда смотрел тебе в глаза, – сказал Аскольд. Что, считается признаком честности. Конечно, Кун видел эту вырезку из газеты раньше, но он полностью ее забыл. У Даниэла было большое лицо с гармоничными чертами лица и прямым носом, хотя и широкими и с большими отверстиями. Его губы были такими полными и чувственными, что для лица мужчины они выглядели как женские. Его лоб был широким и плоским, а волосы были короткими и кудрявыми; с кудрями, настолько толстыми, что они, казалось, больно тянули кожу головы.

«Он был высоким и хорошо сформированным, – продолжил Аскольд. Его лицо похоже на морду красивого бульдога слишком большое, не так ли? Во время войны он был на Дальнем Востоке, но признаков того, что жара и лишения

на нем отразились не было заметно. У Даниэла был здоровый вид лошади-тяжеловоза. Извините, что так много сравнений с животными, но этот человек был похож на животное.

– Как он попал на службу миссис Паула? Аскольд протянул руку, пристально посмотрел на нее, затем сложил ее.

«С тех пор, как доктор умер, – сказал он, – до 1947 года миссис Паула и Милана Шлаун сделали все возможное, чтобы сохранить дом: они нанимали рабочих для ремонта, когда это требовалось. Вы можете представить ситуацию. Они наняли нескольких женщин из Визбори, чтобы помочь с уборкой, но рано или поздно все они ушли, чтобы пойти на работу на фабрике. Дом начал разваливаться. Не удивительно, если учесть, что в конце войны г-же Пауле было около восьмидесяти пяти лет, а Милане было почти семьдесят. Кроме того, кроме ее возраста, миссис Паула, конечно же, не двигала даже пальцем в том, что касается чистоты дома. Она не понимала в этом не чего, и не могла различить пылевую тряпку и метлу.

– Это было немного избалована, не так ли? «Она была тем, чему ее образование и воля Бога превратили ее», – сказал Аскольд очень серьезно, но с волнением в голосе. Я не видел ее, пока она не умерла. Она была упрямой женщиной, немного скупой, как говорят сегодня, человеком властным, она не кого больше не допускала распоряжаться своим маленьким хозяйством. Я приведу вам несколько примеров. Когда ее сын умер, его невестка и внуки остались в очень сомни-

тельной и затруднительной ситуации. Я не знаю подробностей, но миссис Паула была готова помочь им в финансовом отношении, при условии, что они согласятся с ее условиями: семья должна жить с ней и т. д. Во всяком случае, по-моему, старуха не могла позволить себе содержание двух домов. Другая проблема заключается в том, что она была очень религиозной женщиной. Когда она была слишком старой, чтобы ходить в церковь, Она настояла, чтобы Милана заменяла ее там. Как своего рода жертва умилоствления. Но у миссис Паула была привязанность к некоторым людям: она обожала своего внука Форитона и имела близкого друга. Мы поговорим об этом позже. «Я не знаю, знаете ли вы, что после войны была большая нехватка домов и, кроме того, почти невозможно было найти работу. Миссис Паула была умной старухой, которая быстро поняла-на чем она может заработать.— она придумала, что может что то сдавать. На ферме был гараж с каким-то чердаком, в нем хранился автомобиль, которым не пользовались со времени смерти мужа. Миссис Паула не умела водить машину, и, разумеется, Милана тоже. Бензина было мало, но было достаточно, чтобы возить в магазины и забирать двух старых женщин на еженедельную прогулку. – Итак, Милана была, в некотором роде, другом, сказал Куни.

«Леди может сопровождать ее служанка, когда она выходит на прогулку», – сказал Аскольд. Дело в том, что г-жа Паула опубликовала рекламу в газете, предлагая работу крепко-

му молодому человеку, желающему работать в саду, производить мелкий ремонт, заботиться и ездить на машине в обмен на проживание и три фунта в неделю.

– *Три фунта?* — Куни не курил и был очень бережлив, но после того, как еженедельно делал покупки для своей жены, он знал, что три фунта это не много.

«Ну, для того времени это было много денег, Куни, – извиняющимся тоном сказал Аскольд. Миссис Паула обустроила чердак, разделила на три комнаты, и провела воду. Это был не дворец, но, в 1947 году, люди считали себя счастливыми, если они могли иметь одну комнату! Она получила много откликов на свое объявление, но почему-то (Бог знает, почему), она выбрала Даниэла. Во время судебного разбирательства Милана сказала, что г-жа Паула считала, что раз он женат и имеет маленькую дочь, то должен быть мудрым человеком. Видимо подразумевалось разумным, не так ли?

Куни отодвинул стул от солнца и сказал:

– Была ли жена Даниэла тоже на службе у миссис Паулы?

Нет, только он. Как я уже сказал, у них была маленькая девочка, которой было всего два года, когда они пришли. Если бы жена Даниэла работала в доме, ей пришлось бы брать с собой маленькую девочку. Миссис Паула никогда бы этого не допустила. По ее мнению, между ней и семьей Даниэла была пропасть. Я пришел к выводу, что она не обменялась и несколькими словами с женой Даниэла за все время, что ее муж работал там, а что касается маленькой девочки (ес-

ли я правильно помню, ее зовут Шерр), миссис Паула почти не знала о ее. существовании.

«Она не похожа на очень милую женщину, – с сомнением сказала Куни.

«Она была типичной женщиной ее возраста и класса, – снисходительно сказал Аскольд. Не забывайте, что она была дочерью помещика в то время, когда этот факт все еще имел вес в обществе. Для нее миссис Сайсом- жена Даниэла была ниже ее классом. Нет сомнений, что если бы жена Даниэла заболела, она отправила бы Милану к ним на чердак с небольшой кастрюлей супа или одеялами. Кроме того, миссис Сайсом не пыталась наладить какие-нибудь отношения с миссис Паулой. Она была очень красивой женщиной, очень сдержанной и вела себя с подавляющей респектабельностью. И это пугало Даниэла и вселяло страх, несмотря на то, что она была очень маленькой и хрупкой, но положение ее было выше Даниэла и это приводило видимо к рукоприкладству, когда я говорил с ней после убийства, я заметил, что ее рука была вся в синяках, слишком много для небольшой аварии на кухне,

«Итак, на самом деле, – сказал Куни, – все они были полностью отделены друг от друга. Миссис Паула и ее служанка жили в доме а семья Даниэла, в отдельном доме, в задней части сада.

– Я не думаю, что правильно сказать в задней части сада. Гараж находился примерно в тридцати метрах от задней две-

ри большого дома. Даниэл отправлялся туда, только, чтобы взять уголь и получить инструкции. Ах! сказал Куни, если я правильно помню, мне кажется, что с углем возникла какая то проблема. Разве это не было более или менее сутью всего дела?

«Даниэл был занят колкой дров и углем.», – продолжил Аскольд. Милана не могла этого делать в ее возрасте, поэтому ему приходилось брать угольное ведро и приносить его в дом в полдень (они никогда не зажигали огонь до этого времени), а еще в шесть тридцать часов дня. В общем, Даниэл не возражал против его работы в саду или с машиной, но по какой-то причине уголь выводил его из себя. Он делал это, хотя и недобросовестно и без должного старания и к тому же еще жаловался. По его словам, в полдень это прерывало его обед, и ему не хотелось выходить вечером. Разве я не могу принести два ведра в одиннадцать часов утра? Хозяйка миссис Паула не позволила, она сказала, что не хочет, чтобы ее комната превратилась в железнодорожную станцию.

Глава2

Куни улыбнулся. Он чувствовал усталость. После хорошего завтрака, душа и бритья, он почувствовал бы себя отдохнувшим и помолодевшим. Он взглянул на часы, а затем на другую сторону главной улицы Визбори, где поднимались ставни кафе.

– Мне нужен кофе, – сказал он.

– Это то, о чем я думал. Отправьте кого-нибудь принести нам кофе.

Аскольд встал, потянулся, поправил галстук и разгладил волосы, слишком тонкие, растрепанные. Кофе принесли в двух картонных стаканчиках вместе с пластиковыми ложками и кубиками сахара, завернутыми в бумагу.

– Наконец то!! – воскликнул Аскольд. Вы хотите, чтобы я продолжал? Куни кивнул, и Аскольд продолжил: «В сентябре 1950 года Даниэл работал у миссис Паулы в течение трех лет. Казалось, что все идет хорошо, за исключением протестов Даниэла по

поводу угля. Он продолжал жаловаться, просил его принять, и всегда просил об увеличении жалованья.

– Полагаю, Даниэл думал, что старуха плавает в деньгах.

– Конечно, он не мог знать, что у нее было в банке или в акциях. С другой стороны, все знали, что она хранит деньги в своем доме.

– То есть, в сейфе?

– Что! Вы знаете, как эти пожилые женщины хранят деньги. Одна часть была скрыта в ящиках, в бумажных конвертах, а остальная часть в старых сумочках.

В момент внезапного вдохновения Куни что-то вспомнил и сказал:

– И в одном из этих конвертов были двести фунтов?

– Точно, сказал Аскольд. Хотя она могла заплатить больше, миссис Паула отказывалась повышать зарплату. Если ему не нравится эта работа, он может уйти, но это означало бы потерю дома.

«Миссис Паула была очень стара и все время мерзла, поэтому она начала топить камин в сентябре. Даниэл счел это ненужным и возник обычный скандал...

Главный инспектор прервал себя, услышав телефон и поднял его. Куни не знал, кто это, потому что Аскольд просто повторял. «Да, да... хорошо», он выпил свой кофе с некоторым отвращением, потому что край картонного стаканчика намочился и промок. Наконец Аскольд повесил трубку.

– Моя жена, – сказал он. Она хотела знать, жив ли я, и если я забыл, то у меня есть дом. У нее нет денег, и она не нашла чековую книжку. Он засмеялся, полез в карман и показал ее. Меня это не удивляет. Мне нужно идти домой. С неожиданной добротой он добавил: «Почему бы вам не сделать то же самое и немного поспать?»

– Я не люблю оставаться в напряжении, пожаловался Ку-

ни. Теперь я знаю, как мои дети чувствуют себя перед сном, когда я оставляю историю незаконченной.

Аскольд начал бросать вещи в свой портфель.

«Независимо от обстоятельств, — сказал он, — нечего сказать. Все очень просто.

Это случилось вечером 24 сентября, в холодное и дождливое воскресенье. Миссис Паула послала Милану в церковь. Она покинула дом около пятнадцати минут шестого, и Даниэл должен был прийти с угольным ведром в половине шестого. Он принес его, нет сомнений, а затем ушел с двести фунтов в кармане.

— Я хотел бы узнать подробные детали, — сказал Бёрден.

Когда Аскольд подошел к двери, он обернулся.

— Продолжение будет в следующий раз. Он улыбнулся. Я не могу Вас оставить в напряжении. Улыбка исчезла, и выражение на его лице затвердело. Миссис Паула была найдена в семь. Она лежала на полу гостиной, посреди большой лужи крови, рядом с камином. На стенах и в кресле была кровь, и они нашли топор, запятнанный кровью в камине.

Отдых, который посоветовал Аскольд, имел бы привлекательность в облачный день, но не в то утро с голубым небом без облаков и солнцем, которое к полудню обещало тропическую температуру. Кроме того, Куни вспомнил, что он не заправлял свою постель три дня. Поэтому он решил принять душ и побриться.

После завтрака двух яиц и пары кусочков бекона у него

уже был план на день. Это не займет больше часа. Инспектор Куни проехал вверх по улице Страве к северу с открытыми окнами, миновал торговую площадку, пересек мост Визбори, проехал мимо гостиницы и выехал на дорогу Стове. За исключением странного нового дома, супермаркета, которое было выстроено вместо старого здания полицейского отделения, и ярких светофоров, которые стояли повсюду, за последние шестнадцать лет ничего не изменилось. Луга, высокие деревья, покрытые пышной июльской листвой, маленькие деревянные хижины были практически такими же, как когда Милана Шлаун видела их в автомобиле, по дороге в магазины. Хотя, вероятно, тогда было меньше движения, подумал Куни

Путь к дому «Чайная чаша» должен был проходить здесь.. Косвенные подробности, которыми Аскольд поделился, вернули ему память. Куни показалось, что он вспомнил, что читал что-то про автобусную остановку и телефонную будку в конце дороги. Будут ли это те луга, которые в отчаянии пересек Даниэл, чтобы спрятать кучу одежды, испачканной кровью?

Там была телефонная будка. Инспектор включил сигнал поворота и медленно повернул налево. Первая часть дороги была заасфальтирована, а затем была грунтовая дорога, которая закончилась перед воротами. Всего было три дома: два небольших белых дома с террасами и перед ними дом «Чайная чаша», который он сам называл «темной пещерой».

Он никогда не видел его так близко, но он не обнаружил ничего, что изменило бы его мнение. Серая шиферная крыша была образована — или, скорее, деформирована — серией остроконечных фронтонов. Двое из них располагались в передней части дома, а справа находился третий, за которым торчал меньший, по-видимому, ведущий к задней части. Фронтон был украшен решеткой из дерева и окрашен в мрачный зеленый бутылочный цвет. В других частях дома штукатурка между балками отслаивалась, обнажая кирпичную стену. Плющ, того же зеленого оттенка, разросся и покрыл своими плоскими листьями от подножия окон первого этажа до самых высоких фронтонов. Отдельно висела одна из решеток. Виноградная лоза взобралась туда и выросла в измельченную стену, чтобы оторвать раму кирпичного окна.

Куни изучал сад крестьянскими глазами. Он увидел, что раньше никогда прежде не видел. В плодородном черноземе, за которым ухаживали и удобряли много лет, теперь рос щавель с такими же толстыми и блестящими листьями, как листья каучукового дерева, везде можно было увидеть красновато-коричневые: чертополох и крапиву высотой полтора метра. Трава и мох изобиловали на дорожках из гравия. Если бы не чистый воздух и мягкое сияние солнца, место было бы зловещим.

Главная дверь была закрыта. Окно рядом с ней должно было вести в гостиную. Куни с иронией подумал и удивился тому, какому нечувствительному покупателю пришлось реше-

ние о покупке дома, где произошло это страшное убийство и где совсем недавно жило много старых женщин – Но никого не было видно. Дом казался заброшенным много лет.

Окно открылось в просторную и темную комнату. На решетке из янтарного мраморного очага кто-то положил смятую газету для сбора сажи. Аскольд сказал ему, что камин был весь в крови. Там, прямо перед медной решеткой, должно быть, лежало тело.

Куни начал ходить вокруг дома, пробираясь сквозь кусты и маленькие березы, которые так сильно разрослись, что для сирени не оставалось места.. Стекло на кухне было непрозрачным от грязи, и не было никакой двери, через которую можно было бы войти, только черная дверь, которая, казалось, сообщалась с концом центрального коридора. «Архитекторы, – подумал инспектор, – не были хорошими дизайнерами интерьера. Две двери одна в начале коридора, другая в конце! Сквозняк видимо был сильный.»

Теперь он был на заднем дворе, но деревья мешали ему видеть лес сбоку. Природа в саду дома «Чайная чаша» видимо сошла с ума, лоза так разрослась, что даже скрыла гараж. Куни прошел через мрачный асфальтированный двор, защищенный от солнца стенами дома, и вошел в оранжерею, пристроенную к небольшой столовой. Там тоже была лоза, давно мертвая и лишенная листьев.

Да это был дом «Чайная чаша». Жаль, что он не смог войти, но все равно ему уже нужно было вернуться на работу. По привычке, а отчасти, чтобы показать пример, он закрыл все окна своей машины и двери. Внутри было жарко как в печи.. Куни оставил за собой сломанные ворота, выехал на дорогу и присоединился к дорожному движению по Стове..

Было бы почти невозможно найти больший контраст между двумя зданиями, чем тот, который существовал между тем, который он только что покинул, и тем, в который он собирался войти. Полицейский участок Визбори был очень приспособлен к хорошей погоде. Аскольд говорил, что архитектор новой постройки, должно быть, планировал его, ко-

гда отдыхал на юге Франции. Это было

белое прямоугольное здание, украшенное фресками, и все было из мрамора..

Тем июльским утром его белизна ослепляла. Но если его фасад казался довольным солнцем, то это нельзя было сказать об его обитателях. Там было слишком много кристаллов. По словам Аскольда, здание идеально подходит для тепличных растений или тропических рыб, но для зрелого полицейского с высоким кровяным давлением, которое не выдерживает жары, это было недостатком.. Что бы солнце не пекло их через стекло, Аскольд опустил штору.

«Какие жаркие дни», сказал он Куни. Я признаю, что твоя жена выбрала лучшую неделю для отпуска.

Он поднял глаза от заявления, которое он только что начал читать. Худой, как борзая и с худым и острым лицом, он часто включал свой инстинкт охотничьей собаки, чтобы почувствовать любую аномалию в огромной способности своего человеческого воображения.

– Ну, да, иногда бывает очень жарко, – сказал он. То есть события, которые нас беспокоят.

– Не говори мне! сказал Аскольд. Здесь всегда есть что-то новое. Его лицо выразило изумление. И сегодня это визит пастора Арчири. Он прибудет в два.

– Это Вы назначили время?

– Это решил он сам. Он очень страдает.. Кстати, у Арчири есть стенограмма процесса, поэтому ему не придется пере-

сказывать все. Он должен быть очень заинтересован.

Аскольд посмотрел на часы и встал.

– Меня ждут меня в зале суда», – сказал он. Закончите с этими двумя головорезами, которые заставили меня не спать целую ночь.. Послушай, Куни, я думаю, что мы заслуживаем немного насладиться жизнью, и мне не хочется есть пирог с говядиной. Почему бы вам не пойти в ресторан и не зарезервировать столик?

Аскольд настоял, чтобы они обедали или ужинали вместе иногда в более или менее роскошном заведении.

– Я позабочусь об этом, сказал Куни.

Это было лучшей гостиницей в Визбори, единственной, которая заслуживала себя называть «гостиницей». Хотя ее можно было бы назвать общежитием, но по сравнению с другими она выделялась интерьером. Это во всех отношениях соответствует тому, что «хорошие» люди среднего класса понимают как «приличный» отель. Официантов всегда было три, официантки работали здесь годами, в гостинице имелась горячая вода. Все это принесло ей две звезды. Куни сделал заказ по телефону. Когда он вошел в столовую еще не было часа, он с удовольствием отметил, что стол бронированный был у окна и из него открывался вид на улицу. В этом месте солнце не проникало сквозь стекло на прямую, так как разросшаяся герань давала тень и прохладу. Через дорогу девочки, одетые в хлопковые платья и сандалии, ждали автобус.

Аскольд появился в пять минут второго.

– Я не понимаю, почему суд нельзя перенести на более позднее время — в суде невыносимо жарко. Что мы будем есть?

– Жареная утка, – решительно ответил Куни.

– Если нет чего то другого. Если они не подают ее с большим количеством дерьма. Вы знаете, это кукуруза, бананы и тому подобное.

– Этим утром я пошел посмотреть на дом «Чайная чаша», – сказал Куни, пока они ждали утку.

– Я видел, что он продается. Они разместили объявление в газете недвижимости с довольно обманчивой фотографией. Они просят шесть тысяч фунтов за дом. Немного дороже, если принять во внимание, что

Форитон Сайс не получил две тысячи в 1951 году.

– Думаю, с тех пор он менял владельцев несколько раз.

– Раз или два, прежде чем стать домом престарелых. Спасибо, – сказал он официанту, – мы не хотим вина. Два бокала горького пива. Аскольд расстелил салфетку на своих объемных коленях и, в то время как Куни наблюдал за ним с едва скрытым отвращением, сбрызнул утку апельсиновым соусом и перцем.

– Форитон Сайс был наследником?

– Одним из них. Миссис Сайс умерла без завещания. Помните, я сказал, что она оставил только десять тысяч фунтов, и деньги были поделены на равные части между Фори-

тоном и его двумя младшими сестрами. Сейчас он богатый человек, но, конечно, деньги не от бабушки. Он занимается всеми видами предпринимательства: нефть, строительство, судоходные компании... он настоящий магнат.

– Я думаю, что я видел его когда-нибудь.

– Конечно. С тех пор, как Форитон купил особняк, он очень хорошо осознал свое социальное положение землевладельца. Он не пропускает ни одного светского мероприятия.

– Сколько ему лет?

– Ну, ему было двадцать пять лет, когда его бабушку убили, так что теперь ему должно быть около тридцати восьми лет. Его сестры были намного моложе. Марте было десять лет, а Сюзанне – девять.

– Кажется, я помню, что он давал показания в качестве свидетеля на суде.

Аскольд отодвинул тарелку, дал официанту сигнал и заказал две порции яблочного пирога. Куни уже знал, что мнение его босса «наслаждаться жизнью» была несколько ограничено.

«В то воскресенье Форитон Сайс отправился навестить свою бабушку», – сказал Аскольд. В то время он работал в офисе адвоката в Соютоне, и по воскресеньям он пил чай с бабушкой. Возможно, он следил за будущим наследством. В то время у Форитона не было денег, но он, казалось, чувствовал настоящую привязанность к старухе. Фактически, после того, как они нашли ее тело, когда они пошли искать

Фортитона, так как он была ближайшим родственником, мы были вынуждены применить силу, чтобы не дать ему пойти в гараж и напасть на Даниэла.. У меня сложилось впечатление, что его бабушка и Милана достаточно избаловали его, хвалили и хвали его и старались изо всех сил для него. Давным-давно был семейный спор, но, видимо, это не повлияло на его внуков. Пару раз Форитон брал своих сестер в дом «Чайная чаша», в общем, они очень хорошо ладили друг с другом.

– Пожилые люди хорошо умеют общаться с детьми, – сказал Куни. И у нее также была слабость к маленькой Марте Вайлинг.

Куни положил ложку и уставился на главного инспектора.

– Разве ты не сказал мне, что следил за судом в газетах? сказал Аскольд с подозрением. Не оправдывайтесь, что прошло много времени. Я всегда все помню о своих клиентах.. Если вы читали статьи о суде, вы должны помнить, что это была Марта Вайлинг, которой тогда было пять лет, которая нашла тело.

– Не помню, уверяю вас, сэр.. Вы хотите сказать, что она давала показания в суде?

– в его возрасте невозможно; Есть ограничения. Кроме того, хотя она была фактически первой, кто вошел в комнату и нашел тело, ее мать была с ней.

«Возвращаясь к теме, – сказал Куни, – я не совсем понимаю,» какие дети». Миссис Вайлинг живет в этом районе,

на улице Саумоли. Он оглянулся на окно и указал на менее очаровательную часть Визбори, где между Первой и Второй мировыми войнами было построено несколько улиц из крошечных кирпичных домов. Она и девушка занимают половину дома, у них нет ни копейки...

– Они обнищали, «сказал Аскольд. В сентябре 1950 года мистер Вайлинг был еще жив (вскоре после этого он умер от туберкулеза), и они жили напротив дома «Чайная чаша».

– В одном из двух белых парных домов?

– Верно. В соседнем доме жили миссис Кайт и ее сын. Миссис Вайлинг было тогда около тридцати лет или чуть больше тридцати.

– Это шутка! Сказал Куни насмешливо. Это означает, что ей сейчас немного меньше пятидесяти.

– Послушай, Куни, люди могут сказать, что они старятся от тяжелой работы, материнства и других трудностей, но, поверь мне, нет ничего страшнее, чем психическое заболевание, чтобы заставить женщину стареть раньше ее времени. И вы знаете лучше меня, что миссис Вайлинг годами находилась в психиатрической больнице. Аскольд с неодобрительной гримасой посмотрел на водянистую коричневую жидкость. – Вы попросили у меня один кофе, верно, сэр? спросил официант. Аскольд фыркнул. Церковные часы пробили без четверти два. Когда Бой курантов затих, он спросил:

– Как вы думаете, я могу заставить пастора подождать десять минут?

«Как пожелаете, сэр», – нейтрально ответил Куни. Вы собирались рассказать мне, как миссис Сайс и миссис Вайлинг стали друзьями. Я думаю, они были друзьями, верно?

– Без сомнения. Вы понимаете, у миссис Вайлинг были хорошие манеры и она знала, как обращаться со старухой, что бы понравится ей. Кроме того, ее муж был бухгалтером или чем-то в этом роде, профессия, достойная в глазах миссис Сайс, чтобы считать его женой дамой. Миссис Вайлинг очень часто посещала дом «Чайная чаша» и всегда брала с собой дочь. Они должны были быть довольно близкими. Марта назвала миссис Сайс «Бабушка Паула», как и Фортон и его сестры.

– Значит, она «навестила» ее в тот воскресный день и обнаружила, что бабушка Паула мертва, – рискнул Куни..

– Это было не так просто. Миссис Вайлинг шила праздничное платье для девочки. Она закончила его около шести, одела Марту с собой и хотела отвезти ее к миссис Сайс, чтобы показать ей. Видите ли, она и Милана Шлаун никогда не имели хороших отношений. Возникла небольшая проблема ревности, сфер влияния. Итак, миссис Вайлинг подожда-

ла, пока Милана Шлаун пойдет в церковь, а затем пошла одна к дому, с идеей отвезти девочку позже, если она увидит, что миссис Сайс, не спит... Потому что она, будучи очень старой, легко засыпала. В первый раз было бы шесть двадцать, миссис Сайс действительно спала, и миссис Вайлинг не вошла в дом. Она просто постучала по стеклу окна гостиной. Поскольку старуха не проснулась, она ушла и вернулась позже. Кроме того, через окно она увидела, что ведро с углем еще пустое,

поэтому она пришла к выводу, что Даниэл еще не пришел за ним.

– Вы имеете в виду, что Даниэл вошел и совершил преступление между двумя визитами миссис Вайлинг? – спросил. Куни

– Она не возвращалась до семи. Задняя дверь была оставлена открытой, чтобы Даниэл мог войти в дом, поэтому миссис Вайлинг и ее дочь решились войти в дом со словами «Привет!» Или каким-то другим приветствием, они вошли в дом, и какой сюрприз их ждал!

– Боже! сказал Куни, «бедный ребенок!

«Да, – пробормотал Аскольд, – да... Ну, хотя я не возражал бы потратить оставшуюся часть дня, выпивая чашку кофе и вспоминая прошлое, я должен пойти к этому священнику.

Оба встали. Аскольд заплатил по счету и, конечно, дал чаевые точно десять процентов от суммы.

– Я не понимаю, какое отношение пастор имеет ко всему этому, – прокомментировал Куни, когда они уже были в машине.

– . Как я уже говорил, пастор Арчери, должно быть, пишет книгу, и, судя по деньгам, которые он потратил на запись процесса, он верит, что это принесет успех. – Или, может быть, он думает о покупке дома «Чайная чаша». Он может быть фанатом домов с привидениями..

Неизвестная машина была припаркована во дворе полицейского участка. Номерной знак был иностранным..

«Скоро узнаем», – сказал Аскольд.

Глава три

.В целом, Аскольд не любил духовенство.. С его точки зрения, представители духовенства были не совсем скромными. Многие ожидают, что через них будут общаться с Богом.

Главный инспектор не связывал их с красивыми и очаровательными людьми; поэтому пастор Арчири вызвал у него некоторое удивление. Должно быть, он был немного моложе Аскольда, и у него все еще была стройная фигура, а также он был очень привлекательным мужчиной. Пастор был в легком костюме, простой рубашке и галстуке. В его густых светлых

волосах почти не было седых волос, черты его лица были правильными и гармоничными, а кожа загорелой.

Обмениваясь первыми любезностями, Аскольд оценил красоту его голоса. Должно быть приятно слушать, как он читает вслух. Аскольд рассмеялся про себя, указав пастору на стул, чтобы он сел, и сам сел перед своим посетителем. Он представил себе группу усталых пожилых прихожан, которые изо всех сил старались получить скудную награду за улыбку мужчины. В этот момент пастор не улыбался, он нервничал.

– Я хорошо знаю дело, инспектор, – начал он. Я прочитал официальную стенограмму процесса и поговорил об этом с полковником.

– Так что именно вы хотите знать? Спросил Аскольд со своей обычной грубостью.

Пастор Арчери глубоко вздохнул и поспешно сказал:

– Я хочу, чтобы вы сказали мне, есть ли крошечные сомнения, даже если это тень сомнения, в вине Дениэла?.

Так вот о чем Вы. И так. теории Куни о возможном родстве пастора с мисс Сайс или его намерениях купить дом не могли быть ошибочными. Этот человек, по какому-то неизвестному интересу, был настроен оправдать Даниэла..

Аскольд нахмурился и через мгновение сказал:

– Я не могу вам помочь. Это был Даниэл, в этом нет сомнений. Он упрямо стиснул зубы. Если вы хотите процитировать меня в своей книге, у вас есть мое согласие. Можно

сказать, что после шестнадцати лет Аскольд все еще утверждает, что Даниэл был виновен без малейшего подозрения в ошибке.

– О какой книге Вы мне говорите? Пастор Арчери вежливо склонил голову. Недоумение отразилось в его карих глазах. Затем он засмеялся. Это был приятный смех, и для Аскольда это было неожиданно. Я не писатель», сказал он. Ну, я однажды написал главу книги об абиссинских кошках, но это не может считаться...

«Абиссинские кошки. Эти огромные красные жуки, подумал Аскольд.

– Чем вас интересует Даниэл, мистер Арчери?

Он колебался. Солнце высветило морщины на его лице, которые до сих пор оставались незамеченными главным инспектором. «Это смешно! – подумал он, что темные женщины стареют позже, чем блондинки, а с мужчинами происходит обратное».

– Мои причины очень личные, инспектор. Я не думаю, что они заслуживают вашего интереса. Но я могу заверить вас, что, конечно, я не собираюсь публиковать то, что вы мне говорите.

Ну, он посвятил себя правосудию, поэтому у него не было выбора. В любом случае, он уже смирился с тем, что пожертвовал большей частью дня для этого священнослужителя. Усталость начала охватывать его. Возможно, он найдет в себе силы вспомнить, чтобы восстановить знакомые слова

и сцены из прошлого, но этот жаркий день не позволил бы ему быть слишком строгим. Личные причины – и он мысленно признался, что почувствовал детское любопытство знать их – вероятно, они со временем станут известны. Искреннее и веселое выражение лица посетителя заставило его подумать, что он не собирается быть особенно осторожным.

– Что Вы хотите мне сказать? спросил он.

– Почему Вы так уверены в вине Даниэла? Конечно, мои знания в этих вопросах не выходят за рамки знаний любого непрофессионала, но, на мой взгляд, в доказательствах много пробелов. Были вовлечены другие люди, люди, которым была выгодна смерть Паулы Сайс.

Аскольд холодно сказал:

– Я полностью готов обсудить с вами любые детали, сэр.

Прямо сейчас?

– конечно. Вы принесли стенограмму?

Пастор достал ее из потертого кожаного портфеля. Его руки были длинными и тонкими, но не женственными. Аскольду они напоминали святых на картинах, которые он называл «благословенными». В течение пяти минут инспектор молча рассматривал документ, вспоминая мелкие детали; затем он отложил его в сторону и посмотрел в лицо пастору.

– Мы должны вернуться в субботу, 23 сентября, – сказал он, за день до убийства. Даниэл не пришел в дом, чтобы принести уголь. Две пожилые женщины подождали до восьми и миссис Паула сказала, что она ложится спать. Милана

Шлаун тоже ушла —она была так зла что готова была разорвать его на несколько кусочков- Именно тогда он повредил ногу, — указал пастор..

– Это не было серьезной травмой, но миссис Паула разозлилась и обвинила Даниэла в том, что он не хочет работать.. На следующее утро, около десяти часов, она отправила Милану в дом Даниэла, чтобы она сказала Даниэлу, что хочет увидеться с ним в одиннадцать часов. Он прибыл на десять минут позже, Милана провела его в гостиную, а затем услышала, как он и миссис Паула спорят.

– Это приводит нас к первому замечанию, которое я хочу выделить, — сказал пастор. Он пролистал стенограмму и передал ее Аскольду, указывая на начало абзаца. Это, как вы хорошо знаете, является частью собственного заявления Даниэла. Он не отрицает, что поспорил с миссис Паулой, и признает, что она угрожала уволить его, но, наконец, она согласилась с причинами и, хотя она отказалась повысить ему зарплату, утверждая, что это даст ему надежду и она вернется к этому вопросу позже..Вместо этого она сказала, что даст аванс.

– Я это хорошо помню, — нетерпеливо сказал Аскольд. По его словам, старуха попросила его пойти в свою спальню на верхнем этаже, чтобы найти сумку в ее гардеробе и принести ее ей, и, по его словам, именно это он и сделал. В кошельке было около двухсот фунтов, и она сказала ему, что может взять его вместе с его содержимым в качестве аванса

при условии, что он неукоснительно будет выполнять задачу по доставке угля в согласованное время. -. Я не поверил ни одному слову, и присяжные тоже не поверили ему.

– Почему бы и нет? Пастор Арчири спросил его с апломбом.

«Черт возьми, – подумал Аскольд, – это будет очень долгий разговор».

– Во-первых, потому что лестница, по которой должен был подниматься Даниэл находится между гостиной и кухней, где Милана Щлаун готовила обед, и она, у которой был очень хороший слух для ее возраста, не слышала, чтобы Даниэл поднимался по этой лестнице. И, поверьте мне, он был самым неуклюжим из всех придурков, которые когда-либо видели. Пастор слегка сморщила нос в ответ на это, но Аскольд продолжил: «Во-вторых, миссис Паула никогда бы не послала Даниэла в ее спальню. Этого не было в характере миссис Паулы, она послал бы Милану под каким-то другим предлогом принести деньги.

– Может быть, она не хотел, чтобы Милана знала.

«Вы можете быть уверены в этом», резко ответил Аскольд. Миссис Паула никогда бы этого не допустила.. – Это несколько охладило пыл пастора. С апломбом Аскольд продолжил: «В-третьих, миссис Паула была по общему мнению скупа. Милана прослужила ей более полувека, но она никогда не получала ничего, кроме своей зарплаты и дополнительного фунта на Рождество. Он указал на страницу паль-

цем. Посмотрим, вот оно в письменной форме. Мы знаем, что Даниэлу нужны были деньги. Накануне вечером, когда он не принес уголь, он выпивал с другом в кафе. Друг хотел продать мотоцикл и предложил его Даниэлу менее чем за двести фунтов. Видимо, у него не было ни малейшей надежды собрать деньги, но он попросил его оставить его на пару дней и он свяжется с ним, как только он сможет дать ему ответ. Как вы полагаете, он получил деньги в воскресенье, до полудня. С другой стороны, я снова говорю, что он украл их после обеда, после того, как жестоко убил свою хозяйку. Если вы правы, почему он не связался со своим другом в воскресенье днем? В конце дороги есть телефонная будка. Мы поработали этот вопрос: он не выходил из дома весь день, и ему никто не звонил. Пастор казалось уступил под тяжестью доказательств. Он просто сказал:

– Из того, что он говорит, вы полагаете, что Даниэл вошел в спальню после полудня, после убийства миссис, но они не нашли следов крови в комнате.

– Сначала Даниэл был одет в резиновые перчатки, когда совершал убийство. Кроме того, в обвинении утверждалось, что сначала он ударил хозяйку обухом топора — он ее просто сначала оглушил, поднялся взял деньги, потом спустившись обратно испугался содеянному, впал в панику и покончил с ней. Пастор Арчири заметно дрожал, а затем сказал:

– Вам не кажется странным, что, если это сделал Даниэл, он вел себя так глупо-ведь сразу можно понять, кто убийца?

– Это обычно так происходит. Помните, что эти парни довольно глупы, – сказал Аскольд с усмешкой. Он все еще не знал, почему пастор проявляет интерес к Даниэлу, но было ясно, что он был на его стороне. Очень глупы, – повторил он с целью причинить боль пастору и был вознагражден еще одной гримасой пастора.. Они думают, что полицейские будут верить всему, что они говорят, что достаточно обвинить бомжа или вора. Даниэл был одним из таких.

Давай поговорим об убийстве, тихо сказал пастор

Аскольд снова взял стенограмму и, после короткого взгляда, нашел нужную ему информацию. Давайте посмотрим, – начал он, – Даниэл сказал, что пошел за углем в половине седьмого. Он вспомнил время (было шесть двадцать пять, когда он выходил из дома из гаража), потому что его жена сказала ему, что через пять минут она укладывает девочку, а ее укладывали спать в шесть часов тридцать минут.. В любом случае время не является чрезмерно важным. Мы знаем, что старуха была убита между шестью, двадцатью и семью часами,. Даниэл пошел туда, нарубил немного дров и порезал палец. Так он сказал. По сути, у него была рана на пальце; Он сделал это сознательно.

Пастор проигнорировала этот последний комментарий и сказал:

«У него и у миссис Паулы была одна и та же группа крови», – сказал он.

– Да, у обоих была 0 группа крови. Шестнадцать лет назад

анализы крови не были такими точными, как сегодня. Даниэл сказал про это Но это не сильно помогло.

Пастор скрестил ноги и откинулся на спинку стула. Аскольд понял, что он пытается скрыть свою нервозность, но без особого успеха.

— Я думаю, что именно вы допрашивали его после раскрытия преступления.

— Мы прибыли к нему в его дом без четверти восемь. Даниэл ушел. Я спросил его жену, где находится ее муж, и она ответила, что он вернулся из большого дома около шести тридцати, вымыл руки и сразу же ушел. Он сказал ей, что едет в Стове, чтобы увидеть своего друга. Прошло десять минут, и вернулся Даниэл.. Его объяснение никого не убедило, в доме было слишком много крови, чтобы можно было просто порезать палец. Ну, Вы знаете остальное. Это в стенограмме. Я арестовал его за убийство, прямо там.

Документ слегка дрогнул в руке пастора. Наконец пастор тихим голосом сказал: — Даниэл сказал, что он не поехал в Ставе. «Я ждал на остановке на перекрестке, но автобус не пришел. Я увидел несколько машин, идущих по дороге к дому „Чайная чаша“, я удивился и подумал, что то случилось. У меня закружилась голова, потому что кровь в порезанном пальце так и не остановилась, и я вернулся домой. Я подумал, что, может быть, моя жена знает, что происходит». Пастор Арчири остановился, а затем добавил с каким-то умоляющим голосом: « Я не думаю, что это утвер-

ждение умственно отсталого человека, как вы преподносите его.

С терпением, которое он использовал бы с ранним подростком, Аскольд ответил:

– Заявления отредактированы, мистер Арчири. Все вместе они друг друга подтверждают и указывают на вину Даниэла. Поверьте мне Вы не были в суде, как я. Что касается правдивости этого заявления, я был в одной из тех патрульных машин, которая ехала на происшествие и мы внимательно наблюдали за всем происходящим вокруг. Мы обогнали автобус и повернули налево, чтобы выехать на дорогу. На остановке никого не было.

– Я полагаю, что вы предполагаете, что, заявляя, что он не был на автобусной остановке, он на самом деле пошел прятать одежду.

– Конечно, он прятал одежду! Когда он работал, он всегда носил плащ. В заявлениях вы увидите, что и миссис Вайлинг, и Милана подтверждают этот факт. Иногда он висел в гараже, а иногда на крюке за задней дверью дома «Чайная чаша» По словам Даниэла, на нем был плащ в ту ночь и он оставил он его на крюке за задней дверью, но мы не смогли его найти. И Милана, и Форитон Сайс заявили, что видели, как он днем висел на крюке за задней дверью, но миссис Вайлинг поклялась, что его не было, когда они пришли с Мартой в семь. – Наконец, вы нашли его свернутым под изгородью, на другой стороне луга, за автобусной остановкой.

«Плащ и свитер, – ответил Аскольд, – и резиновые перчатки. Все пропитано кровью.

– Но любой мог взять плащ, а вы не могли опознать свитер.

– Милана Шлаун заявила, что он похож на тот, который Даниэл носил время от времени.

Пастор Арчери глубоко вздохнул. Некоторое время он не переставал бомбить Аскольда вопросами и благодарностями, но внезапно замолчал. На его лице было нечто большее, чем нерешительность. Аскольд ждал. Наконец он достиг той точки, когда необходимо было выявить этот «личный интерес». Пастор Арчери боролся с желанием поделиться о причине его интереса к убийце Даниэлу., и наконец смиренным тоном, спросил:

– А как насчет жены Даниэла?

– Нельзя заставлять жену давать показания против мужа. Как вы знаете, она не присутствовала на суде. Она уехала отсюда со своей дочерью в другое место, и через несколько лет я услышал, что она снова вышла замуж..

Аскольд уставился на пастора, изогнув брови. Его слова заставили священнослужителя решиться. Его загорелые щеки покрылись едва заметным румянцем. Его карие глаза были яркими, он снова нервничал, он наклонился к инспектору.

– И девушка...

– Девушка? Она спала в своей кроватке, когда мы обыс-

кивали спальню

Даниэла, и это был единственный раз, когда я ее видел.

Арчери сказал сломленным голосом:

– Ей сейчас двадцать один год, и она очень красивая молодая женщина.

– Я не удивлен. Даниэл не был уродлив в своем стиле, а миссис Сайсом была привлекательной. Аскольд замолк.-Арчери был священнослужителем. Может ли быть так, что дочь Даниэла Сайсома пошла по стопам своего отца и теперь, из-за ее проступков, находится под его опекой? Может быть, пастор раньше посещал тюрьму. Инспектор почувствовал, как внутри него нарастает гнев, когда он рискнул предположить, что все это обсуждение было придумано только потому, что пастор нуждался в помощи в поиске наиболее подходящего психологического подхода для вора или осужденного доверенного лица. Какой у вас интерес к этому? резко сказал Аскольд. Даниэл может пойти в ад! Расскажите Вашу личную причину интереса к убийце.

– У меня есть сын, инспектор, он единственный ребенок. Ему тоже двадцать один год...

– Хорошо?

Было очевидно, что священнослужителю было трудно найти правильные слова. Пастор. Арчери сжал свои длинные руки. Наконец, без особой уверенности и тихим голосом он сказал:

– Он хочет жениться на мисс Сайсом. Пастор наблюдал

за выражением лица Аскольда и, все еще глядя на него, добавил: «Или мисс Куви, которая сейчас является ее официальной фамилией.

Главный инспектор чувствовал, что теряет равновесие. Он был озадачен, это было очень редко с ним и его вся эта ситуация тронула его, что вообще для него было редкостью.. Но он уже проявил достаточное удивление, и он спокойно сказал: – Вы должны простить меня, мистер Арчири, но я не понимаю, как ваш сын, сын священнослужителя англиканской церкви, познакомился с мисс Сайсом, то есть мисс Куви.

«Они встретились в Оксфорде», – ответил пастор.

– В университете?

– Это верно. Мисс Шерр Куви очень умная молодая женщина. Пастор застенчиво улыбнулся. Она пишет диссертацию о великих современниках. Я думаю, что ее диссертация сделает много шума в этом мире.

Глава четыре

Если бы вас попросили предсказать будущее такого человека, как Шерр Сайсом, что бы вы предсказали? Я не думал о ней, но этого я не ожидал. Я предполагал, что в лучшем случае она станет социальным работником, при этом уже побывав в тюрьме раза два за грабежи.

Вместо этого Шерр Сайсом стала, по-видимому, счастливчиком, благословленным лучшими дарами цивилизованного мира: красивой, умной, с высшим образованием, связанной с такими людьми, как пастор.

Аскольд попытался вспомнить первую из трех своих встреч с миссис Сайсом. Это случилось в то воскресенье в сентябре, без четверти восемь. Он и сопровождающий его сержант постучали в дверь у подножия гаражных ступеней, и миссис Сайсом спустилась, чтобы открыть их. Независимо от требований моды того времени в Лондоне молодые девушки из Визбори подвязывали волосы в хвост и кудри падали на плечи в стиле сороковых годов. Миссис Сайсом не была исключением. Она была блондинкой, ее лицо было припудренным, а губы осторожно окрашены в красный цвет. В 1950 году почтенные провинциальные матроны не рисовали глаза, и миссис Сайсом была прежде всего респектабельной женщиной. Кожа у нее была тонкой и сухой.

Когда они все поднялись наверх, она чередовала ответы

на свои вопросы с неоднократными комментариями о позоре их визита. Она была женщиной с самыми невыразительными и самыми голубыми глазами, которые когда-либо видел Аскольд. Никогда, даже когда они собирались забрать ее мужа, она не выказала к нему чувства ужаса или жалости, только страх перед тем, что люди могли подумать, узнав, что полиция допрашивает ее мужа.

Возможно, миссис Сайсом была не такой тупой, как он думал. Ведь добила же дочка такого положения. «Очень умная молодая женщина, – сказал пастор. «Святое небо! подумал Аскольд, вспоминая, как он хвастался, что его дочь сдала экзамены на степень бакалавра. Во всяком случае, что это будет означать «современные языки»? Аскольд имел смутное представление о том, что это может быть эзотерическое и намеренно загадочное имя, которое дано философии и политической экономии, но он не хотел показывать свое невежество перед пастором. Философия! Инспектор чуть не зашвистел от удивления.. Дочь убийцы Даниэла работала над диссертацией; да, а я только готовлюсь к философии! Конечно, это заставило Аскольда задуматься. Он даже начал сомневаться...

«Мистер Арчири, – сказал он, – вы абсолютно уверены, что это дочь Даниэла Сайсом?»

– Конечно да, инспектор. Она сама сказала мне. Он посмотрел на Аскольда почти вызывающе. Может быть, он думал, что полицейский будет смеяться над тем, что он соби-

рался сказать. Это произошло так нежно и красиво сказал пастор. В день Пятидесятницы он пришел провести с нами несколько дней. Вот когда

мы встретили ее; Естественно, наш сын написал нам, чтобы предупредить нас. Она произвело на нас приятное впечатление.

«Инспектор, времена изменились с тех пор, как я учился в университет. Мне пришлось столкнуться с тем, что мой сын там познакомился с девушкой и решил жениться на ней. Я видел, как некоторые дети моих друзей женились в двадцать один год, и я был готов попытаться помочь ему, дать ему кое-что, чтобы начать его новую жизнь. Я только надеялся, что девушка, которую он выбрал, будет человеком, который нам нравится, и которой мы можем доверять.

«Мисс Куви (я назову ее так, если ей все равно) – это та женщина, которую я бы выбрал для своего сына: красивая, элегантная, хорошо образованная, общительная. Видите ли, она делает все возможное, чтобы скрыть свою привлекательность, с одеждой, которую носят все молодые люди сегодня; растрепанные волосы, брюки и огромное черное пальто из ткани; Вы знаете, как сейчас все одеваются одинаково. Однако она не может скрыть свою красоту.

«Моя жена несколько импульсивна. Шерр не была с нами более двадцати четырех часов, когда моя жена начала шутить о свадьбе. Я не понимал, почему двое молодых людей так относятся к этому вопросу. В своих письмах Чарльз

не переставал хвалить свою девушку, и было очевидно, что они оба очень влюблены. Тогда Шерр прямо нам все рассказала. Она сказала (я прекрасно помню ее слова): «Думаю, вы должны кое-что обо мне знать, мистер Арчири.. Моего отца звали Даниэл, и его повесили за убийство старухи».

«Сначала моя жена не поверила, я подумал, что это шутка, но Чарльз сказал: « Это правда, но это не важно. Люди стоят того, что они есть, а не того, что сделали их родители». В этот момент Шерр добавила: « Было бы важно, если бы он был убийцей, но он этого не делал. Она рассказала, почему его повесили. Я знаю, что он этого не делал.». Потом она заплакала.

– Почему она называет себя Куви?

– Это имя ее отчима. Должно быть, он великий человек.

Видимо он техник-электронщик, но...

«Тебе не нужно меня убеждать», – раздраженно подумал Аскольд.

– ... но он должен быть очень умным, проницательным и доброжелательным человеком. У Куви двое детей, но, насколько я могу судить, мистер Куви испытывает те же чувства к Шерр, что и к своим собственным детям.. Она утверждает, что благодаря его любви она смогла вытерпеть, ну, в общем, то, что она может описать только как клеймо преступления своего отца, все это она узнала, в возрасте двенадцати лет. Куви следил за ее успехами в школе и поощрял ее стремиться к получению стипендии округа.

– О каком преступлении и преследование можно говорить?. Разве она не сказала, что она считает его невиновным? – Мой дорогой инспектор, *она знает, что он был невиновен.*

«Мистер Арчири, – медленно сказал Аскольд, – я уверен, что мне не нужно напоминать такому человеку, как вы, что когда мы говорим, что кто-то что-то *знает*, это означает, что что-то является фактом, вне всякого сомнения. Это также означает, что большинство людей знают это. Другими словами, это история, она написана в летописях, в свободном доступе. Инспектор остановился. Ну, я, судьи, те, кто находится в национальных архивах, и те, кого ваш сын называет правящим классом, без сомнения знают, что Даниэл убил миссис Паулу Сайс.

– Ей сказала о этом ее мама, сказал пастор Арчири.. Она сказала ей, что точно ее отец не был убийцей..

Аскольд пожал плечами и улыбнулся, затем сказал:

– Люди верят во что хотят. Ее мать хотела только лучшего для нее. Я на ее месте наверняка сказал бы ей то же самое.

«Я не согласен», упрямо сказал пастор. По словам Шерр, ее мать – абсолютно объективная женщина, она никогда не говорит о Даниэле и не позволяет никому говорить о нем; он просто повторяет, не теряя терпения: «Твой отец никогда никого не убивал», и, кроме того, она отказывается сказать что то еще..

– Потому что она не может сказать больше ничего. Ви-

дите ли, сэр, я думаю, у вас слишком романтический взгляд на этот вопрос. Вы рисуете Даниэла как хорошего семьянина, который жил со своей семьей в своем загородном доме. Но не такова реальность. Поверьте мне, Даниэл не представлял для нее никакой потери. Я уверен, что он бил ее, когда хотел. В его глазах она была только его женой, кем-то, кто готовил ему еду и стирал ему одежду, и, ну, – прямо добавил он, – с кем-можно спать. – Все это кажется мне несущественным, – твердо ответил пастор.

– Правда? Она воображает, что сделала важное заявление о невиновности его, дочери -единственному человеку, которого она любила и которому она не могла лгать. Прости меня, но это глупо. Он не общался с женой после того как убил старуху-он все сделал один без нее-он пришел в дом вымыть руки и спрятать деньги. И он не мог сказать ей тогда. Он не был наедине с ней не одной минуты. Предполагалось, что она до сих пор ничего не знала о том, что произошло. Я мог бы сказать ей, что он убил старуху и это вне сомнений.

«Затем мы добрались до места и обнаружили следы крови в раковине и замытые пятна на стене кухни в том месте, где Даниэл снял свой свитер. Как только он вернулся, он снял повязку с руки, чтобы показать нам рану, и отдал ее своей жене. Но он не разговаривал с ней, он даже не просил ее поддержать его. Только однажды Даниэл обратился к ней...

– да?

– Мы нашли сумку с деньгами под матрасом его двуспаль-

ной кровати. Почему Даниэл не сказал своей жене, что старуха дала ему эти деньги утром? Вы здесь, ищите это в своей копии стенограммы. «Я знал, что моя жена захочет потратить все. Она всегда ворчала о покупке вещей для дома». Это было все, что он сказал, и он даже не взглянул на нее. Когда мы арестовали его по обвинению в убийстве, он сказал: «Хорошо, но вы делаете большую ошибку. Это был бродяга, который сделал это». Затем он спустился с нами по лестнице. Он не поцеловал свою жену и не просил нас позволить ему попрощаться с дочерью. – Но она навещала его в тюрьме, верно?

– Всегда в присутствии чиновника. Давайте посмотрим, вы, кажется, убеждены в своей правоте, как и другие, связанные с этим делом. Вот что имеет значение. Прости меня, если я не согласен с Вами. Пастор тихо достал фотографию из своего кошелька и положил ее на стол. Аскольд взял фотографию в руки. Вероятно, она была сделана в доме священника. На заднем плане была огромная магнолия, дерево, почти такое же высокое, как дом, который оно частично прятало, которое было покрыто цветами в форме чаши. Под его ветвями мальчик и девочка стояли рука об руку. Мальчик, высокий и белокурый, улыбался, и не было никаких сомнений, что это был сын пастора..

Лицо девушки было грустным. Она смотрела на камеру со спокойными глазами. Светлые челки покрывали ее лоб, и ее волосы падали сзади, на плечи и касались выцветшей

блузки, типичной для студентов колледжа, плотно обернутой вокруг ее талии, над морщинистой юбкой. Ее талия была крошечной, а грудь выпуклой. Аскольд снова увидел ее мать, но у этой молодой женщины в руках не было кровавой тряпки-а рядом стоя мальчик.

– Очень красиво, – сухо сказал он. Я надеюсь, Вы сделаете своего сына счастливым. Он вернул фотографию. Нет причин, почему это не так.

В глазах священнослужителя возникла смесь эмоций: гнев, боль и обида. Аскольд с интересом наблюдал за ним.

«Я не знаю, во что или кому верить, – грустно сказал пастор, – и пока мне это не ясно, инспектор, я не дам свое согласие на свадьбу. нет; Более того, – он яростно покачал головой, – я полностью против нее.

– А девушка, дочь Даниэла?

– Она верит в невиновность (или, скорее, принимает) своего отца, но знает, что, возможно, есть люди, которые не разделяют ее мнение. В конце концов, я не думаю, что она выйдет замуж за моего сына, в то время как моя жена и я так думаю.

– Чего вы боитесь, мистер Арчири

– генетики.

– Генетика во многом связана с случайностью.

– У вас есть дети, инспектор?

– У меня есть две дочери.

– Они замужем?

– Одна из них, да.

– А кто Ваш тесть?

Впервые Аскольд почувствовал превосходство над священнослужителем и что -то вроде *злорадства*.

– Он архитектор, а также советник консервативной партии.

Я понимаю. Пастор опустил голову. А Ваши внуки строят замки из кусочков дерева? Аскольд не ответил. На данный момент единственными признаками существования его первого внука была утренняя тошнота его невестки. Я буду внимательно за ними наблюдать и увижу их таланты и склонности.

– Вы только что сказали, что если вы не одобрите свадьбу, она не выйдет замуж за вашего сына.

– Они влюблены. Я не могу...

– Кто будет знать? Все будут думать, что Куви – ее настоящий отец.

– Я буду знать, сказал пастор. Теперь, когда я смотрю на нее, я вижу в ней Даниэла. Вместо ее рта и глаз я вижу его толстые губы и его жажду крови. Та же самая кровь, инспектор, смешанная с кровью миссис Паулы, однажды была пролита на пол, одежду, камин. Мой внук будет носить ее в своих венах. Казалось, пастор осознал, что он позволил себе увлечься страстью, потому что внезапно замолчал, покраснел и на мгновение закрыл глаза, как будто то, что он только что описал, было глубоко болезненным.

– Хотел бы я помочь вам, мистер Арчири! сказал Аскольд сочувственно, «но дело закрыто, навсегда. Я сделал то, что мог.

Пастор пожал плечами и, словно не в силах сдержать себя, тихо процитировала:

– «Перед толпой он взял воду и вымыл руки». Затем священник поспешно встал, явно сокрушенный. Я прошу прощения, инспектор. То, что я Вам сказал, откровенно ужасно. Можете ли вы сказать мне, что Вы собираетесь сделать? – Я как Понтий Пилат, – сказал Аскольд. Поэтому постарайтесь проявить больше уважения в будущем.

Куни улыбнулся и сказал:

– Что именно он хотел, сэр?

– Прежде всего, он ожидал, что я скажу ему, что Даниэл был казнен по ошибке, но я не мог его порадовать. Черт, это все равно что сказать, что я не знаю, как выполнять свою работу. Это был мой первый случай убийства. Пастор собирается делать запросы самостоятельно. Через шестнадцать лет это будет бесполезно, но убедить его невозможно. Во-вторых, он хотел, чтобы у меня было разрешение обыскать всех свидетелей, он надеялся, что я поддержу его, если они появятся здесь, протестуя и прося объяснений.

«И все, что у него есть, – задумчиво сказал Куни, – это непоколебимое убеждение миссис Сайсом в том, что ее муж невиновен?»

– Это не имеет ничего общего! Это чепуха. Разве моя жена не сказала бы то же самое нашим дочерям? Это нормально. Даниэл не признался даже в самый последний момент, вы знаете, что тюремные власти очень внимательно относятся к такого рода вещам. Нет, миссис Сайсом выдумала это и в конечном итоге поверила в это.

– Пастор знает ее?

– Нет, пока нет, но скоро он ее узнает. Она и ее второй муж живут в Тусеи, и они пригласили его на чай.

– По твоим словам, она сказала ему про своего отца в день Пятидесятницы. Почему пастор так долго ждал? Прошло как минимум два месяца.

– спросил я его. Он ответил, что в первые недели он и его жена решили оставить все как есть. Они думали, что, возможно, его сын передумает жениться. Но это было не так. Мальчик попросил своего отца получить копию протокола судебного заседания. Он единственный ребенок, и, конечно, очень избалованный. В конце концов, пастор пообещал начать расследование, как только у него начнется отпуск.

– Так он вернется?

«Это будет зависеть от миссис Сайсом», сказал Аскольд.

Глава пять

Дом Куни находился примерно в двух километрах от центра города, отделенный от магазинов, вокзала, кинотеатра и церкви тысячами таких же больших пригородных домов. Дом представлял собой огромное здание из розового кирпича. В саду росли однолетние растения, среди травы не было ни одного клевера и были срезаны все высушенные чаши роз. На асфальтированной дороге мальчик лет двенадцати мыл белый «Форд».

Пастор припарковала свою машину рядом с тротуаром. Он, в отличие от Аскольда, еще не видел дом, но прочел его описание, и ему показалось, что с тех пор положение миссис Куни значительно улучшилось. Пот начал просачиваться на его лоб и верхнюю губу, как только он вышел из машины. Пастор думал, что день был слишком жарким, и что он плохо переносит высокую температуру.

– Это дом мистера Куви? спросил он мальчика.

– Да. – Он был очень похож на Шерр, но ее волосы были более светлыми, а ее нос был усеян веснушками. Главная дверь открыта. Вы хотите, чтобы я доложил о вас?

«Меня зовут мистер Арчири», сказал священнослужитель и протянул руку.

Мальчик вытер руки о джинсы и поприветствовал:

– Привет!

Маленький морщинистый мужчина спускался по ступенькам крыльца. Воздух, горячий и яркий, разделял их как стеклянный барьер. Арчири пытался скрыть свое разочарование. Чего ты ожидал? Мужчина казался незначительным, таким неуклюжим, худым и сморщенным, как изюм, в брюках и фланелевой рубашке. Затем Куви улыбнулся, и внезапно его лицо омолодилось на несколько лет; У него были сверкающие голубые глаза и неправильные зубы, очень белые. — Приятно познакомиться.

— Добрый день, мистер Арчери. Я очень рад Вам. Вообще-то, я сидел у окна и ждал Вас..

В присутствии этого человека невозможно было не чувствовать надежды, почти радости. Вскоре Арчери обнаружил в нем необычное качество, которое, возможно, он находил только полдюжины раз в своей жизни. Он стоял перед человеком, который, был полный энергии и энтузиазма и проявлял интерес ко всему происходящему. В зимний день он мог бы согреть воздух. В тот день, в такую жару, его жизненная сила была подавляющей.

— Входите, пожалуйста, и я познакомлю вас с моей женой. — Его голос был похож на теплый ветерок, голос с акцентом который напоминал рыбу с чипсами, угрей с картофельным пюре. Пока его вели в вестибюль, обшитый дере-

вянными панелями, Арчери задался вопросом, сколько лет будет Куви. Может, чуть больше сорока четырех. Его жиз-
неспособность и недостаток сна, потому что сон был пустой
тратой времени, могли способствовать его преждевремен-
ному старению. – Мы в гостиной, – сказал он, открывая дверь
из матового стекла. Это то, что мне нравится больше всего
в такой день. Когда я возвращаюсь домой с работы, я обычно
десять минут сижу рядом со окном и смотрю на сад. Это за-
ставляет меня чувствовать, что мои усилия стоят того, чтобы
работать не покладая рук всю зиму.

– Сидеть в тени и созерцать зелень?

– Сказав это, Арчери пожалел, что сделал такое замеча-
ние. Он не собирался ставить этого инженера в неловкое по-
ложение.

Куви бросил на него взгляд. Затем он улыбнулся и сказал
естественно: Я люблю свой сад – Арчери немного смутился.
Он вошел в комнату и протянул руку женщине, только что
поднявшейся с кресла.

– Моя жена. Мия, я хочу познакомить тебя с мистером
Арчери.

– Как вы?

Мия Куни ничего не сказала, но подала ему руку и одарила его сияющей улыбкой. По ее лицу Арчири мог видеть лицо Шерр, в старости. В молодости миссис Куви была блондинкой, теперь ее волосы, которые после посещения парикмахерской, возможно, в его честь, были окрашены в приглушенный каштан и уложены в искусственные пернатые пряди вокруг лба и ушей.

– Садитесь, мистер Арчири, -сказал Куви. Чай будет готов в кратчайшие сроки. Ты поставила воду, не так ли, Мия? Арчири сел в кресло у окна. Сад Куви был забит кустами роз, и повсюду были маленькие галечные клумбы, забитые геранью. Пастор окинул взглядом комнату и отметил безупречную аккуратность, несмотря на огромное количество предметов, которые были в этой комнате. Книг было предостаточно, энциклопедии, словари, тома по астрономии, глубоководной рыбалке и европейской истории. На столе в углу стоял аквариум с тропическими рыбками, а на каминной полке-несколько макетов самолетов; на рояле была сложена куча партитур, а на мольберте виднелся неуклюже выполненный и наполовину законченный портрет девушки. Это была просторная комната, условно обставленная ковровым покрытием и ситцевыми чехлами, но выражавшая личность хозяина дома.

– Мы имели удовольствие познакомиться с вашим сыном Гербертом, – сказал Куви. Симпатичный, очень милый простой мальчик. Мне понравился. – «Герберт!», Арчири стоял очень тихо, стараясь не чувствовать себя обиженным. В конце концов, речь шла не о пригодности Герберта.

Внезапно Мия Куви сказала:: – Мы все его ценим. -. Но я не знаю, как они справятся, у них пока нечего нет., а у Герберта пока нет работы... Как она могла беспокоиться о таких пустяках? Он начал искать способ поднять тему, которая привела его к ним.. Где они собирается жить? -мрачным тоном спросила миссис Куви. Они почти дети. Они должны иметь собственный дом, не так ли? Им придется подать заявку на ипотеку...

– Кажется, я слышал свист чайника. – Мия, – сказал муж.

Она встала и осторожно натянула юбку, чтобы прикрыть колени. Это была простая плиссированная юбка, синяя с розовыми просветами, абсолютной респектабельности. Ее наряд был дополнен розовым джемпером с короткими рукавами и ожерельем из культивированного жемчуга. Если под этим термином подразумевалось, что это были самые культивируемые жемчужины, которые Арчери когда-либо видел, то он был уверен, что каждую ночь их окутывали тканью и хранили в темноте. Миссис Куви пахла тальком, от кото-

рого в морщинах ее шеи оставался какой-то след.

– Не думаю, что сейчас время говорить об ипотеке, – сказал Куви, после того как она вышла из комнаты. – Арчири улыбнулся. Поверьте, мистер Арчири, я знаю, что вы пришли сюда не для того, чтобы выпить чаю со своими будущими родственниками.

– Я нахожу это более болезненным, чем я мог себе представить.

Куви рассмеялся и сказал:

– Представляю. Я не могу сказать вам ничего об отце Шерр, что не является общественным достоянием, и что еще не появилось в газетах.

– А его мать?

– Можете попробовать. В таких ситуациях женщины обычно видят вещи через золотое облако. Она никогда не выступала за обучение Шерр. Моя жена хочет, чтобы девушка вышла замуж, и сделает все возможное, чтобы ее желания исполнились.

– А вы, что вы для нее хотите?

– Я? Ну, пусть она будет счастлива. Счастье не обязательно начинается перед алтарем. – Внезапно Куви проявил решимость и прямоту. Говоря откровенно, мистер Арчир, я не думаю, что она может быть счастлива с мужчиной, который подозревает ее отца в убийственных наклонностях еще до того, как они будут помолвлены.

– Это неправда! – Арчир не ожидал, что Куви начнет обороняться. В глазах моего сына Ваша падчерица идеальна. Это я веду расследование, мистер Куви. Мой сын знает, он хочет лучшего для Шерр, но он даже не знает, что я сейчас здесь. Поставьте себя на мое место.... – Я уже это сделал. Шерр было всего шесть лет, когда я женился на ее матери. – Он посмотрел на дверь, потом наклонился ближе к Арчир. Вы думаете, что я не следил за ней, не следил за любым намеком на расстройство? Когда родилась моя собственная дочь, Шерр очень ревновала. Я боялся за ребенка, и однажды я нашел ее склонившейся над коляской Поди и увидел, как она ударила ее по голове игрушкой. К счастью, это была пластиковая игрушка.

– Но, черт возьми. – Арчир почувствовал, как напряглись мышцы его лица.

– Что я мог сделать? Пришлось работать и оставлять детей дома. Я должен был доверять своей жене. Потом у нас был

сын -я думаю, вы его уже знаете, он мыл машину, – и моя вторая дочь Поди чувствовала к нему такую же обиду и демонстрировала это с таким же насилием. Дело в том, что все дети так себя ведут.

– Вы больше никогда не видели других проявлений этих склонностей?

– Склонности? Личность – это не вопрос наследственности, мистер Арчири, это вопрос окружающей среды. Я хотел, чтобы Шерр воспитывалась в наилучшей обстановке, и смею со всей скромностью сказать, что мне это удалось. Солнце осветило сад. Арчири обнаружил новые детали, которые он сначала не воспринимал. Несколько линий мела пересекали лужайку, где, обходя клумбы цветов, был начертан теннисный корт; к стене гаража были прикреплены несколько зайчиков и старые качели. Над очагом, который стоял за ним, он увидел два приглашения на вечеринку, прислоненные к каким-то предметам декора. Была также фотография в рамке трех детей, одетых в футболки и джинсы, лежащих на стуле. Да, он не мог представить себе лучшую среду для сироты убийцы. Дверь распахнулась, и вошла одна из девушек на фотографии, толкая тележку с чаем. Арчири был слишком горяч и озабочен, чтобы чувствовать голод, но с тревогой заметил, что тележка была забита домашними пирогами, клубникой на хрустальных тарелках и кексами. Девушке

было около четырнадцати лет. Она была не так красива, как Шерр, и была одета в мятую школьную форму, но лицо ее было таким же живым, как у отца.

– Это моя дочь Поди

Девушка опустилась в кресло, демонстрируя добрую часть своих длинных ног. – Садись правильно, милая, – резко сказала миссис Куви. Она бросила на дочь осуждающий взгляд и принялась наливать чай, держа в руках чайник. Они не понимают, что в тринадцать лет они уже маленькие женщины, мистер Арчири. – Пастор нахмурился, но девушка, казалось, не обращала внимания. Он должен попробовать торт. Их сделала Поди. – Он неохотно взял конфету. Видите ли, я всегда говорила своим дочерям, что все, чему они учатся в школе, в какой-то степени в порядке, но алгебра не поможет им приготовить воскресную еду. И Шерр, и Поди умеют готовить, даже если это просто обычные блюда.

– Мама, пожалуйста! У меня нет никакой развязности, а у Шерр тем более

– Ты знаешь, что я имею в виду, и перестань обсуждать все, что я тебе говорю. Когда они выйдут замуж, их мужья не будут стыдиться их, когда у них будут кушать гости. – Это мое любимое блюдо, дорогая, – невозмутимо сказала Поди. Отрежь от него кусок и положи его на блюде, хорошо?

Куви громко рассмеялся. Потом взял жену за руку и сказал:

– Оставь маму в покое. – Арчири это излишнее веселье и семейная близость заставляла нервничать. Он ответил натянутой улыбкой, понимая, что так необходимо.

– Я действительно хочу сказать, мистер Арчири, – искренне сказала миссис Куви, – что, хотя у вашего сына и моей дочери Шерр поначалу будут свои взлеты и падения, она не была воспитана, чтобы быть праздной женой. Для Шерр счастливый дом важнее роскошной жизни.

– Не сомневаюсь. – Арчири безнадежно посмотрел на девушку, опустившуюся в кресло, пожирающую клубнику со сливками. Это было сейчас или никогда. – Миссис Куви, я ни на минуту не сомневаюсь в способности Шерр быть хорошей женой... нет, это были не правильные слова. В этом он сомневался. Он не знал, что сказать. Я хотел поговорить с вами

У Арчири создалось впечатление, что Мия Куви съежилась. Затем она поставила свою чашку на стол, осторожно положила нож на тарелку, положила руки на колени и впилась в них взглядом. Это были непривлекательные, короткие, полноватые руки, на которых она носила только одно кольцо-кольцо ее второй свадьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.